

ЛИРОЭПОС: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ (на материале северокавказской поэмы)

Узденова Фатима Таулановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», uzdenova_kbigi@mail.ru

Статья посвящена исследованию лирического эпоса, процессов его формирования и развития в литературах народов Северного Кавказа. В результате анализа фактического материала выявлены особенности данного образования: организующая роль лиризма в эпическом отражении действительности, лирический герой как структурообразующее начало, преломляющее в личностном сознании событие, «первооснову» эпоса, адекватная форма воплощения поэтической художественной мысли XX столетия.

Ключевые слова: лирический эпос, лиризм, эпичность, жанр, северокавказская литература, поэма.

Формирование лирического эпоса пришлось на начало XX столетия и ознаменовало собой качественно новый этап в развитии многонациональной литературы. Проникновение лирики в эпос выявило закономерности литературного развития, обусловленные «нарастанием личностного начала в художественной словесности...»¹.

Впервые обозначение «лирический эпос» было употреблено критиком Георгием Якубовским (1929), усмотревшим в нем «особую форму взаимопроникновения в поэзии события, мысли, чувства»². Оформление понятия «лирический эпос» как литературоведческой категории совпадает с развернувшейся в 1969 году дискуссией о правомерности употребления термина «лирический герой». В художественной системе лироэпоса лирический герой выступает структурообразующим началом, преломляющим в своем личностном сознании событие, «первооснову эпоса». «Категории лирического эпоса и лирического героя, – пишет С. Коваленко, – взаимосвязаны и вызревали одновременно в художественном мире русской поэзии, хотя терминологически оформились в разное время»³. Роль взаимодействия субъективного начала и объективной действительности в процессе возникновения новых жанровых образований отмечалась в трудах В.Г. Белинского, А.Н. Веселовского, Л.Я. Гинзбург, Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума и др. Исследования генезиса лирического эпоса, проблем типологии, его различных жанровых модификаций нашли отражение в работах и северокавказских ученых-литературоведов: А.И. Караевой, З.Х. Толгурова, Ф.А. Урусбиевой, Х.И. Теунова, А.Х. Хакушева, А.А. Схалыхо, К.Г. Шаззо, А.Ю. Абдуллатипова, Ч.С. Юсуповой, Ш.А. Курмангуловой, Ю.М. Тхагазитова, А.М. Казиевой, Р.А. Ахмедовой и др.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что при всей значимости лирического, или субъективного, начала в лироэпосе не лирика подчиняет себе эпос, а «эпос вбирает в себя лирическую стихию, изыскивая новые возможности воссоздания эпических микрокартин»⁴. В последнее время все чаще высказываются соображения в пользу тезиса о целесообразности определения «функциональных» возможностей (лирического и эпического), обеспечивающих эстетическое

единство и целостность восприятия художественного произведения. «В анализе лиро-эпических произведений следует особое внимание уделять не разграничению эпических и лирических начал, а их синтезу в рамках одного художественного мира... Повествовательная речь легко и неприметно переходит в речь экспрессивно-лирическую, повествователь и лирический герой – неразделимые грани одного и того же образа. Поэтому – и это очень важно – лиризмом проникнуто и повествование о вещах, о людях, событиях, мы чувствуем интонацию лирического героя в любом текстовом фрагменте поэмы (поэма «Анна Снегина» – Ф.У.)»⁵.

На наш взгляд, рассмотрение данного видообразования в плоскости соотношения его компонентов, т.е. определения главенствующего признака, «задающего» тон произведения, представляется вполне оправданным. Иногда событийная основа «инертна» и ценность произведения достигается «голосом» лирики. В случае, если сюжетная канва «самодостаточна», а лирика выполняет эстетическую роль, лидерство эпоса также не вызывает сомнений. Понятно, что вышесказанное относится больше к «паспорту» лиро-эпического (или – эпико-лирического) образования и для выявления художественной привлекательности и значимости самого произведения не является принципиальным. В этом смысле мы согласимся с мнением Есина А.Б. о важности поиска не разграничительного, а «синтезирующего» критерия.

Двуплановость изображения человека (в поступках и в переживаниях), сюжетность и стихотворная форма являются устойчивыми признаками лироэпоса. В силу наличия сюжета можно говорить о жанрово-видовых различиях (преимущественно по типу эпического жанра): *роман в стихах, поэма, баллада, басня*. (Определение «эпос», «эпопея» возникает в русской литературе уже в 20-е годы XX в. в применении к поэмым формам).

Общеизвестно, что лироэпическая поэма получает свое стартовое развитие в творчестве В. Маяковского. Как оппозиция к «поэме-канону» И. Сельвинского возникает «поэма-монолог», в которой «я» или лирический герой выступает в роли объективированного героя (принцип «центростремительной тяги, которую имел в виду О. Мандельштам, размышляя о структуре «романа-биографии»⁶). Маяковский определяет социально-активный характер лирического героя, тем самым утверждая новое качество лиризма, его «организующую роль»⁷ в эпическом отражении революционной эпохи.

В национальных литературах Северного Кавказа он (лироэпос) также реализуется преимущественно в крупной жанровой форме – поэме. Из видового многообразия особенно активны лирико-публицистическая, социально-философская, лирико-драматическая поэмы. В тематическом плане самую большую группу составляют поэмы с национально-исторической проблематикой.

Лироэпическая поэма означенного региона стала интенсивно развиваться с первых дней своего возникновения (еще в дооктябрьский период) в творчестве классиков национальных литератур – К. Мечиева, Б. Пачева, И. Казака, Али Шогенцукова, Г. Цадасы, А. Салаватова и др.

В поэме К. Мечиева «Раненый тур» тревога за настоящее и будущее народа ведет поэта к доподлинно реалистическому изображению обстоятельств жизни горцев, бедного сословия. Символический образ раненого тура, преследуемого кровожадным волком, – образ угнетенных масс. Поэт молит о том, чтобы нашелся добрый охотник, который, подобно бедняку Хашиму, пожалевшему тура, избавил бы его народ от оков. Философские размышления поэта занимают главное место в поэме. Именно в них особенно проявилась лирическая природа таланта художника. Выразитель гуманистических идей, он призывает своих земляков к просвещению, ибо путь к свободе – через преодоление политической отсталости, через «понимание истин эпохи»⁸. Судьба поэта осмысливается в единстве с судьбой народа («Ой, мой бедный народ! / В лишениях живешь, / Словно раненый тур. / Все

твои тяготы / Видит бедный Кязим. / Обливаясь кровью, сердце / Горькие стихи слагает...». *Подстр. пер. – Ф.У.*

Антитетические и сопоставительные характеристики (*раненый тур – охотник – волк*), лирические отступления, символика, тропы служат средствами глубокого раскрытия характеров персонажей (главы 3–4). «Совершенная по своему композиционному решению, сюжетному построению... – пишет один из первых исследователей творчества К. Мечиева А. Теппеев, – она (поэма – Ф.У.) знаменует собой переход к новому эстетическому качеству – масштабному художественному обобщению жизни народа, рождению реалистического лироэпического жанра в балкарской поэзии»⁹.

Лироэпическую традицию, начатую К. Мечиевым, продолжает его соотечественник А. Будаев поэмой «Раньше» (1939–1940). «Раньше» во многом перекликается с романом в стихах кабардинского поэта Али Шогенцукова «Камбот и Ляца». Лирическим накалом и экспрессией отмечены сцены, в которых раскрывается нравственная сущность человека, его скрытая внутренняя сила – сила духа. В образе Камбота сконцентрированы лучшие черты представителя черкесского народа, демонстрирующего отвагу, благородство, готовность постоять за честь любимой девушки, за независимость своего народа в борьбе против турецко-крымской агрессии. Под стать ему и Ляца, кроткая и нежная. В последнюю минуту трагедии героиня полна решимости, отбросив робость, она бросает вызов феодалу:

Махашоко, Махошоко!
Кровью ты сумел упиться,
Мужа ты заснуть заставил,
Что ж, палач, кончай работу!
Или ты меня оставил
Плакальщицей по Камботу?

«Камбот и Ляца»

Противопоставление светлой самоотверженной любви миру «деспотизма и тирании» – традиционный сюжет в молодой литературе Северного Кавказа. Он разрабатывался К. Мечиевым («Бужжигит»), Х. Кациевым («Мухтар»), Р. Геляевым (драма «Кровавый калым»), А. Уртенковым («Сафият») и др. Обреченность, крушение счастья Камбота и Ляцы, как и Жагафара и Жансурат, – типичная для эпохи крепостничества социальная драма.

Новые требования к осмыслению сложных исторических, социально-нравственных проблем в 30-е годы формировали «социалистическое мировоззрение» писателей; многие из них отражали непосредственно свое отношение к происходящим событиям. Постепенно поэма становится, по справедливому утверждению А.-К. Абдуллатипова, «олицетворением монументальной эпической лирики, в которой от эпоса – большая историко-социальная значимость содержания, широта и обобщенность охвата действительности, от лирики – внутреннее, душевное, проникновенное, взволнованное и глубоко личное переживание этой действительности»¹⁰.

На пути к более плотному сближению лирики и эпоса в северокавказской литературе стояла кумыкская поэзия. Лироэпическая поэма А.В. Сулейманова «Победившая любовь» («Уьст болгъан сююв») является крупным поэтическим произведением с усложненной структурой. (В 1924 году она вышла под названием «Заманны адатлары» («Адаты времени»); в 1934 году – «Оьтген гюнлер» («Минувшие дни»); в 1960 – «Уьсть болгъан сююв» («Победившая любовь»). В характерной для данного жанрообразования манере раскрыт сюжет, связанный с историческими событиями в Дагестане, отдельными героями (Емельяном Пугачевым, Степаном Разиным, Уллубием Буйнакским и др.), их судьбами. Наряду с изображением ре-

волюционной борьбы автор развивает и другую тему, не менее важную в раскрытии эпического содержания произведения и актуальную по своей проблематике – это борьба женщины-горянки против невежества и деспотизма¹¹. Тема реализуется показом взаимоотношений Батыра и Аминат, Атая и Асият. Глава «Любовь» является своеобразным лирическим вступлением в повествование. В поэтической ткани произведения множество лирических «инкрустаций» (песен, пожеланий, монологов). К примеру, письмо Батыра, написанное любимой, – это лирический монолог-признание:

Привет тебе, лучезарная любимая,
Душевный друг мой, от сердца моего, полного любви!
Нет у меня больше сил,
Милая, на тебя с тоскою смотреть издалека¹².
Подстр. пер. Р. Ахмедовой

Даже трагическая гибель Асият воспринимается лишь событийным элементом, *инициирующим* эмоционально-лирические переживания читателя. Асият просит не плакать над «опозоренной», не ронять «честь» матери, позволившей убить дочь за то, что та полюбила Атая.

Таким образом, мы можем констатировать, что в лироэпосе 30–40-х годов получает развитие социально-философская поэма, отмеченная значительностью проблематики, разработанностью сюжета, стремлением автора увидеть философские проблемы бытия в общественных коллизиях.

Социально-философская поэма сохраняет свои позиции и в последующие десятилетия, профессионально очерчиваясь в творчестве северокавказских поэтов – балкарца Б. Гуртуева («Жулдузхан»), кумыка А. Аджаматова («Рабият»), аварца Р. Гамзатова («Горянка»), карачаевки Д. Мамчуровой («Мурат бла Зумрат») и др. В них звучит тот же мотив, что и в поэмах предыдущих лет – судьба женщины... От использования традиционных образов к созданию новых национально-самобытных, воплощающих черты «новой действительности» и «нового человека», от абстрактной символики и риторики к конкретному изображению – таков путь, как заметил В. Гоффеншефер, «к мастерству и реалистическому совершенству»¹³.

Наибольшего расцвета достигает лироэпическая поэма в 60-е годы. С формированием целостного взгляда на жизнь меняется и характер лирического героя: установка на цельность, глубокая философичность, осознание своей ответственности за судьбу народа планеты подняли ее на качественно новый уровень. В истории литературы этот период ознаменован началом формирования принципа историзма.

Богатство и разнообразие северокавказской поэзии позволяет нам рассматривать лироэпическую поэму указанного периода в наиболее распространенных жанровых разновидностях – эпико-героическая, героико-биографическая, лиро-публицистическая, социально-философская.

В тематическом плане самую большую группу составляют поэмы с национально-исторической проблематикой.

«Горскую поэму о Ленине» К. Кулиева называют венцом творчества писателя и ярчайшим образцом лироэпического жанра в балкарской литературе. Поэма основана на воспоминаниях и раздумьях поэта, пропущенных через образ лирического героя, его переживания и эмоции. По точному определению Т. Эфендиевой, «Горская поэма о Ленине – это эпическое описание судьбы балкарцев и взволнованная лирика – голос души поэта»¹⁴.

Отражение жизни общенародной и личной в едином ключе мы находим и в других лироэпических поэмах К. Кулиева – «Завещания» и «Перевале». Героическое содержание воздействует на структурные особенности. Подвиг является идейной

и композиционной вершиной, кульминацией¹⁵ (Азрет, расплатившийся своею жизнью, для спасения двух других («Перевал»); или Азамат из поэмы К. Кулиева «Знамя», укрепивший на Эльбрусе знамя Отечества). Героическому содержанию наиболее адекватна эпическая, повествовательная форма. Но в данном случае не менее наглядна мощная связь героического с лирическим; героика воплощена в эпико-лирической поэме, где «авторский лиризм эмоционально усиливает изображение событий и характеров»¹⁶. Надо сказать, трагика войны и героизм ее участников – самая масштабная тема в произведениях послевоенной поры («Залихат» Х. Байрамуковой, «Кырлу» С. Капаева, «Знамя» К. Кулиева и др. (по типу: «Лиза Чайкина» М. Комиссаровой, «Зоя» М. Алигер, «Сын» П. Антокольского). «Начинался сложный драматический процесс перехода чисто эмоционального и иллюстративного изображения военной действительности – к ее анализу, к социально-историческому и философскому осмыслению»¹⁷. И в этом ни один другой жанр не давал художнику таких широких возможностей для творческих исканий, как лироэпос.

Современная лироэпическая поэма строится на несколько иных принципах художественного воплощения, что обусловлено, прежде всего, философской интерпретированностью авторской мысли вкупе с динамично развивающимися реалиями жизни. Настойчивое стремление уйти от привычных образных рядов, конкретики, ритмических и лексических канонов обнаруживается в почерке современных поэтов, свидетельствуя о глубине мироощущений, новаторстве в подходах – *информативно-структурном* и *ритмико-синтаксическом* – к осмыслению классического для северокавказской поэзии эмоционально-смыслового пространства.

Таким образом, история северокавказской поэмы свидетельствует, что создание лирического эпоса оказалось наиболее плодотворным фактором развития поэзного мышления. И связано это было, прежде всего, с рождением «нового, социально активного»¹⁸ типа художника, способного на развернутое изображение человеческого характера в единстве с обстоятельствами и историческим процессом. Изучение же лирического эпоса как системы ценностей, выявление объективной художественной закономерности в истории развития жанра на материале творчества северокавказских поэтов позволило сделать вывод, что эта форма сыграла свою историческую роль в литературе XX столетия.

Примечания

1. Коваленко С.А. Художественный мир советской поэмы. М.: Наука, 1989. С. 3.
2. Там же. С. 5.
3. Там же. С. 7.
4. Там же. С. 26.
5. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта; Наука, 2000. 248 с. URL: <http://bookucheba.com/teoriya-literaturyi-istoriya/lireropika-15420.html> (дата обращения: 26.02.2015).
6. Мандельштам О.Э. Конец романа // Мандельштам О. Слово и культура. М.: Сов. писатель, 1987. С. 74.
7. Арутюнов Л.Н. Егише Чаренц и опыт Маяковского // Маяковский и проблемы новаторства / отв. ред. В.О. Перцов. М.: Наука, 1965. С. 286.
8. Толгуров З.Х. Движение балкарской поэзии. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 97.
9. Тепеев А.М. Кязим Мечиев // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 79.
10. Абдуллатипов А.Ю. Поэтическое творчество Темирбулата Бейбулатова: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1969. С. 177.
11. Узденова Ф.Т. Поэма в литературах народов Северного Кавказа. Формирование парадигмы жанра. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2001. С. 68.
12. Ахмедова Р.А. Жанр поэмы в кумыкской советской литературе: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1988.

13. *Гоффеншефер В.Ц.* Традиционный образ и современность // Сборник статей о кабардинской литературе. Нальчик: Книгиздат, 1957. С. 275.
14. *Эфендиева Т.Е.* Поэмы Кайсына Кулиева. Нальчик: КБГУ, 1979. С. 23.
15. *Узденова Ф.Т.* Карачаево-балкарская поэзия: к типологии жанра // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 2. С. 198.
16. *Жаков А.Г.* Современная советская поэма. Минск: Изд-во БГУ, 1981. С. 37.
17. *Тептеев А.М.* Литература периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 143.
18. *Лурье А.Н.* Поэтический эпос революции. Л.: Наука, 1975. С. 203.

LYRIC EPOS: FEATURES OF FORMATION AND DEVELOPMENT (on the material of the North Caucasian poem)

Uzdenova Fatima Taulanovna, Candidate of Philology, Senior Staff Scientist of the Sector of Karachai-Balkar Literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS», uzdenova_kbigi@mail.ru

The article is devoted to the lyrical epos study, processes of its formation and development in the North Caucasus literature. As a result of analysis of the actual material, the peculiarities of this genre formation are revealed: the organizing role of lyricism in the epic reflection of reality, the lyrical hero as a structure-forming beginning, the refracting in the personal consciousness event, the epos «base», the adequate form of the 20th century poetic artistic thought embodiment.

Keywords: lyric epos, lyricism, epic, genre formation, North Caucasian literature, poem.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-97-102